F 94
58

Ж 94
58

БЫЛОЕ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОТОМКАМЪ

ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА БОБОЪДОВА

ОТЪ

АСКАЛОНА ТРУВОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Праца, Офицерская улица, № 26.
1870.

2007060294

БЫЛОЕ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Лѣтомъ 1774 года, въ то страшное для восточной окрайны Россіи время, въ которое пугачевскія шайки стали перебираться съ луговой стороны Волги на нагорную, дворянинъ Нижегородской губерніи Петръ Михайловичъ Бобоѣдовъ, помѣщикъ деревни Ожгибовки, находящейся между городами Курмышомъ и Сергачомъ (въ 40 верстахъ отъ перваго и 23 отъ послѣдняго), заблагоразсудилъ отправиться изъ Ожгибовки куда либо подалѣе и отъ пути, по которому ожидали прохода бунтовщиковъ, и отъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, для коихъ тогдашняя неурядица давала широкое поле необузданно своевольничать и надъ личностью и надъ имуществомъ своихъ помѣщиковъ. Принявъ это намѣреніе, Петръ Михайловичъ забралъ съ собою всю семью, состоявшую изъ жены и малолѣтнихъ сыновей: Василія, Ивана,

Петра, Александра и Алексѣя *), и отправился въ село Букалеи, Княгинискаго уѣзда, къ другу своему и куму Ивану Петровичу Пазухину.

Въ Букалеяхъ Петръ Михайловичъ прожилъ съ мѣсяцъ; но, соскучась подъ конецъ и о своемъ домѣ и о хозяйствѣ, задумалъ возвратиться домой.

Однако прежде отъѣзда своего, желая повѣрнѣе разузнать о положеніи дѣлъ въ той сторонѣ, и о направленіи крестьянскихъ умовъ, Петръ Михайловичъ послалъ изъ Букалей въ Ожгибовку одного изъ своихъ дворовыхъ людей, на приверженность коего разсчитывалъ болѣе, нежели на другихъ. Посланный этотъ, слѣдуя даннымъ наставленіямъ, не вошелъ, по приходѣ, въ Ожгибовку, но притаясь близь нея въ конопляникахъ, поджидалъ возможности вызвать чрезъ кого либо къ себѣ свою жену. Увидавъ же проходящую съ поля въ деревню ожгибовскую бабу, посланный вышелъ къ ней

---

*) Старшій сынъ его, Андрей, находился въ это время на службѣ сержантомъ въ Преображенскомъ полку.

и сказалъ, что соскучась по женѣ, онъ бѣжалъ отъ барина съ дороги, и что, теперь, какъ бѣглый, боится показаться въ деревнѣ на господскомъ дворѣ, но желая повидаться съ женою, проситъ выслать ее къ нему въ коноплянники. Баба съ удовольствіемъ согласилась на исполненіе этой просьбы, но прежде нежели повидалась съ женою бѣглаго, разблаговѣстила о томъ по всей деревнѣ.

А такъ какъ Петръ Михайловичъ, уѣзжая изъ Ожгибовки никому не сказалъ, куда именно онъ ѣдетъ, и чтобъ скрыть свой слѣдъ выѣхалъ изъ Ожгибовки въ противуположную отъ Букалей сторону, то крестьяне его были въ страшномъ горѣ, не зная гдѣ отыскать своего барина и какъ отвезти его къ Пугачеву. Между тѣмъ, стоустая молва ежедневно доносила до слуха ихъ о погибели то того, то другаго, а подъ конецъ едва ли и не всѣхъ наличныхъ помѣщиковъ, и Ожгибовцы страшно трусили, какъ бы имъ не остаться на вѣкъ крѣпостными и не лишиться свободы, столь щедро даруемой Пугачевымъ.

При подобномъ состояніи умовъ, вѣсть о приходѣ бѣглаго была истинною для нихъ ра-

достью, давая возможность разузнать о мѣстѣ нахожденія барина. Поэтому крестьяне кинулись въ коноплянники, гдѣ и поймали посланнаго, отъ коего и вывѣдали, гдѣ именно теперь находится ихъ баринъ. Затѣмъ крестьяне передали посланному свое горе: за отъѣздомъ барина только они одни останутся крѣпостными, тогда какъ всѣ окрестные, отвезя своихъ господъ къ Пугачеву, получили отъ него свободу, оставя своихъ господъ на висѣлицахъ. Эти жалобы и стоны, задушевно передаваемые посланному, подѣйствовали на него тѣмъ болѣе, что и онъ самъ возъимѣлъ надежду отойти на волю. Посланный присоединился къ крестьянамъ и сознался, что главная цѣль прихода въ Ожгибовку есть вовсе не свиданіе съ женою, а вывѣдать о томъ — возможно ли барину вернуться изъ Букалей домой, безъ гибели для себя и семьи своей. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшено было, чтобы посланный отправился обратно къ барину и увѣрилъ его, что въ Ожгибовкѣ и тихо и мирно, и что въ округѣ ея о Пугачевѣ и слуховъ нѣтъ, и что крестьяне о злодѣйскомъ помыслѣ на барина своего и не думаютъ.

Выполняя въ точности свое новое порученіе,

посланный, по приходѣ въ Букалеи, довелъ Петра Михайловича увѣреніями своими до того, что тотъ распростился съ своимъ кумомъ Пазухинымъ и немедленно отправился въ Ожгибовку.

Совершая этотъ путь на своихъ лошадяхъ, Петръ Михайловичъ преблагополучно доѣхалъ до Енова, села въ 12 верстахъ отъ Сергача, и въ селѣ этомъ, расположенномъ на рѣкѣ Пьянѣ, вздумалъ искупаться.

Между тѣмъ крестьяне его въ Ожгибовкѣ не дремали, и на первыхъ порахъ разграбили весь барскій домъ, начиная съ серебряныхъ вещей, вина и до коврижекъ включительно. Затѣмъ, зная, что барину ихъ на пути изъ Букалей не миновать Енова, въ которомъ по разстоянію приходилось или кормить лошадей, или остановиться на ночевку, Ожгибовцы выслали нѣсколько человѣкъ на тройкахъ въ Еново для засады. Засадѣ этой приказано было не прозѣвать Петра Михайловича и захватить его живьемъ съ женою и дѣтьми, и затѣмъ везти прямо въ Курмышъ къ Пугачеву. Находясь въ засадѣ этой, крестьяне видѣли, какъ Петръ Михайловичъ въѣхалъ въ Еновѣ на постоялый дворъ

для кормежки. Все это обѣщало крестьянамъ успѣхъ ихъ предпріятія; но такъ какъ они знали, что въ повозкахъ у барина лежатъ заряженныя ружья, коихъ они страшно боялись, то и не посмѣли тотчасъ же сдѣлать нападеніе. Затѣмъ конечно ихъ обуяла несказанная радость, какъ скоро они увидали, что Петръ Михайловичъ пошелъ купаться, не взявъ съ собою ни одного изъ заряженныхъ ружей. Давъ дойдти своему барину до рѣки Пьяны и погрузиться въ ея воды, крестьяне ринулись къ повозкамъ и немедленно схватили ружья, а затѣмъ связали свою барыню и барчатъ. Послѣ сего бунтовщики побѣжали къ Пьянѣ, гдѣ и поймали безпечно прохлаждавшагося барина. Связавъ его и посадивъ съ женою и дѣтьми въ телѣги, крестьяне помчались съ ними въ Курмышъ, прямо черезъ Старинское и Болобоново, оставя Ожгибовку вправѣ, во избѣжаніе крюка. Давъ за тѣмъ вздохнуть лошадямъ въ Воскресенскомъ, крестьяне на другой день утромъ примчали своего барина съ семьею въ Курмышъ, страшно тревожась тѣмъ, что пожалуй и не захватятъ въ немъ своего кормильца-батюшку Царя-Государя Петра Ѳедорови-

ча. И опасенія ихъ были не напрасны, потому что Пугачевъ въ это время уже выступалъ изъ Курмыша, ведя главное скопище черезъ село Медяну на Алатырь. Въ Курмышѣ же оставался только хвостъ его, сбродъ всякой сволочи подъ начальствомъ двухъ полковниковъ, произведенныхъ въ эти чины самимъ Пугачевымъ. И вотъ къ постойкѣ или къ квартирѣ этихъ полковниковъ, къ каменному двухъэтажному дому купца Бѣлякова, примчались ожгибовскіе крестьяне съ своими господами, для представленія ихъ на судъ, или вѣрнѣе на расправу.

Въ то время, по Пугачевскому правилу, судъ и расправа надъ дворянами не имѣли проволочки: тутъ же на мѣстѣ выслушивалась жалоба крестьянъ на своихъ баръ, и тутъ же невдалекѣ близь самого Курмыша, на берегу озерца чинилась расправа со всегда виноватыми барами, — чрезъ посредство постановленныхъ висѣлицъ, или по тамошнему рѣлей, отъ которыхъ озерцо это и понынѣ зовется Рѣльскимъ.

И вотъ выходятъ изъ дому эти полковники,— и крестьяне Петра Михайловича пали предъ

нимъ на колѣни, моля и прося не покинуть ихъ сиротъ своею милостью и, повѣся злодѣевъ: барина и все отродье его, даровать имъ сиротамъ вѣчную свободу. И, цѣпенѣя отъ ужаса, приникъ слухомъ своимъ несчастный дворянинъ и отецъ, ожидая неизбѣжнаго приговора. Но только вдругъ вмѣсто этого приговора онъ услышалъ совсѣмъ иную рѣчь отъ одного изъ полковниковъ, который, обратясь къ своему товарищу, говорилъ, что дворянина этого онъ лично знаетъ какъ барина добраго, и что если крестьяне на него жалуются, то они врутъ, и что поэтому торопиться приговоромъ не для чего, а слѣдуетъ дѣло это разобрать по совѣсти. Изъ предложенія этого возникъ между полковниками споръ. Одинъ доказывалъ, что съ дворянином порѣшить слѣдуетъ немедленно, вздернувъ со всею семьею на висѣлицу, во 1-хъ потому, что православные молятъ, а во 2-хъ потому, что время на походѣ. Другой же, противурѣча первому, стоялъ на томъ, что такого добраго для крестьянъ барина вѣшать нельзя.

Опомнясь во время размолвки своихъ страшныхъ судей, Петръ Михайловичъ вглядѣлся въ

своего неожиданнаго защитника, и призналъ въ этомъ полковникѣ господскаго крестьянина сосѣдняго съ Ожгибовкою села Каменки, мастерствомъ печника, клавшаго и поправлявшаго много разъ у него печи въ ожгибовскомъ домѣ, и черезъ это дѣйствительно и ему Петру Михайловичу извѣстнаго даже по имени: Герасима Васильева.

Подивиться такому страшному превращенію печника въ полковники Петру Михайловичу, при настоящей обстановкѣ его, и въ голову не пришло, — и ему вовсе не показалось страшнымъ такое сцѣпленіе обстоятельствъ, въ коихъ печникъ-крестьянинъ, какъ полковникъ, рѣшаетъ дѣло о жизни и смерти дворянина помѣщика, представленнаго на судъ и смерть собственными крестьянами.

Между тѣмъ у товарищей полковниковъ — уральскаго казака и крестьянина-печника, шелъ ожесточенный споръ, въ коемъ ни тотъ, ни другой не уступали другъ другу ни въ чемъ. Подъ-конецъ, не видя спору своему конца, полковники порѣшили: отправиться пообѣдать, а за тѣмъ и покончить такъ ли, иначе ли спорное дѣло; дворянина же и всю его семью

посадить покуда въ чуланъ, устроенный подъ лѣстницею того самого дома, въ которомъ полковники расположились на постой.

Распорядившись такимъ образомъ, полковники отправились наверхъ, гдѣ, пообѣдавъ, заблагоразсудили маленько всхрапнуть. Но сномъ воспользовался только простодушный Герасимъ Васильевъ. Злой же и коварный товарищъ его казакъ, томимый жаждою убійства, какъ только замѣтилъ, что Герасимъ Васильевъ заснулъ, сошелъ потихоньку внизъ и вышелъ на крыльце. Тутъ ожгибовскіе крестьяне пали ему въ ноги, прося и моля порадѣть объ нихъ— сиротахъ.

Видя все это изъ чулана и предугадывая, что ему безъ Герасима Васильева не сдобровать, Петръ Михайловичъ выбрался потихоньку изъ заточенія своего на верхъ къ спящему Герасиму Васильеву. Разбудивъ его, несчастный дворянинъ упалъ ему въ ноги, умоляя спасти отъ бѣды неминучей. Встревоженный Герасимъ Васильевъ, выслушавъ Петра Михайловича, замѣтилъ ему, какъ опасно для нихъ обоихъ это свиданіе наединѣ, и что имъ не миновать бѣды, если увидитъ ихъ казакъ

полковникъ. «Перовецъ часъ, сударикъ ты мой, говорилъ Герасимъ Васильевъ, — у насъ вѣдь пожалуй и мою милость за поблажку дворянину убаюкаютъ на двухъ столбикахъ съ перекладиною, а потому, сударикъ, постарайся сойдти такъ, чтобъ и не видали, что ты былъ у меня. А тамъ, что будетъ, то и будетъ; но мы, сударикъ мой, за себя постоимъ, и твою хлѣбъ-соль попомнимъ.» Выслушавъ это не совсѣмъ успокоительное слово, Петръ Михайловичъ пробрался въ чуланъ и приникъ въ отчаяніи къ своей семьѣ, предчуя надъ собою бѣду неотразимую.

И точно, вслѣдъ за симъ шумная ватага крестьянъ и воинской сволочи ввалилась въ домъ и вытащила узниковъ изъ чулана на дворъ. Здѣсь казакъ-полковникъ объявилъ, что по просьбѣ ожгибовскихъ крестьянъ онъ приказываетъ повѣсить ихъ барина вмѣстѣ со всею семьею. Едва лишь произнеслись эти слова, какъ звѣрская сволочь, бывшая на дворѣ, огласила радостнымъ воплемъ этотъ приказъ, и немедленно повлекла жертву такой радости, дворянина и его семью, на мѣсто казни къ Рѣльскому озерцу.

Имѣя лишь одну слабую надежду на могущее воспослѣдовать заступничество отъ Герасима Васильева, Петръ Михайловичъ все ближе и ближе былъ подвигаемъ къ мѣсту своей позорной и мучительной смерти, оглядываясь ежеминутно на домъ, въ коемъ остался и, быть можетъ, вновь заснулъ Герасимъ Васильевъ. Между тѣмъ шествіе безпорядочнаго скопища палачей и зрителей подъ предводительствомъ казака-полковника, пожелавшаго лично быть при повѣшеніи цѣлой семьи дворянъ, подходило уже къ Рѣльскому озерцу,—и короче-короче становилось упованіе Петра Михайловича на спасеніе отъ Герасима Васильева. Оглянувшись еще разъ близъ самыхъ висѣлицъ, Петръ Михайловичъ съ ужасомъ замѣтилъ, что и домъ, въ коемъ остался Герасимъ Васильевъ, и откуда ожидалось спасеніе, уже скрылся за другими домами, — и оцѣпенѣлъ при мысли о безъисходной погибели своей несчастный дворянинъ и отецъ, видя что нѣтъ ему уже спасенія ни откуда. Но раздавшійся вопль его дѣтей, — вопль вырвавшійся у малютокъ при видѣ разширяемыхъ палачами петель у висѣлицъ, вывелъ несчастнаго семьянина изъ овла-

дѣвшаго имъ оцѣненѣнія, и вновь заставилъ его сознать весь ужасъ и безнадежность своего положенія подъ висѣлицами. Здѣсь звѣрство палачей, не доступныхъ ни жалости, ни состраданію, ни мало не уменьшилось; но какъ разъ петля одной висѣлицы была раздвинута и толпа злодѣевъ подхватила съ крикомъ дикой радости Петра Михайловича на руки и приподняла его къ самой петлѣ.

Но въ эту самую минуту прискакалъ къ висѣлицамъ печникъ-полковникъ съ своими казаками и крикнулъ: «именемъ Царя-Государя Петра Ѳедоровича запрещаю совершеніе казни надъ дворяниномъ Бобоѣдовымъ и его семьею.» Въ отвѣтъ на это казакъ-полковникъ, какъ ни былъ золъ на Герасима Васильева, но не сказалъ ни слова,— и Петра Михайловича съ женою и дѣтьми повели обратно въ домъ Бѣлякова, гдѣ вновь заперли въ чуланъ подъ лѣстницей. У полковниковъ также вновь поднялся споръ, а подконецъ брань и чуть не драка по его дѣлу. И то и другое неизвѣстно чѣмъ бы и кончилось, еслибъ вдругъ не доложили имъ, что двое изъ капитановъ ихъ шайки, прельстясь двумя Курмышанками и внушивъ имъ

взаимность, сочетались бракомъ и теперь пришли къ отцамъ-командирамъ на поклонъ съ дарами.

Случай этотъ не то чтобъ прекратилъ раздоръ между полковниками, но далъ имъ предлогъ задать для молодыхъ пиръ на весь честной міръ. Посему тотчасъ же отданы были надлежащія приказанія готовить пиръ тутъ же на дворѣ купца Бѣлякова. Ради сего, все что было въ домѣ изъ столовъ, сидѣньевъ и прочей утвари, то все это вытащили на дворъ. Сюда немедленно притащили зелена-вина и меду ставленаго. За тѣмъ понабрались со всѣхъ сторонъ гости, къ нимъ вышли полковники вмѣстѣ съ молодыми-капитанами и ихъ супружницами. Вслѣдъ сему полилось вино, потекъ медокъ, заходила круговая чара, грянули пѣвцы, гудки и балалайки, разгульныя пѣсни, перешедшія вскорѣ въ плясовую,—и казакъ-полковникъ, страстно любившій пляску, потребовалъ на кругъ плясуновъ. На зовъ явилось ихъ много; но не одинъ изъ нихъ не могъ угодить полковнику, злившемуся по этому на всѣхъ и на каждаго.

«Нѣтъ, что ни дѣлаютъ эти вахлаки, сказалъ

онъ, махнувъ безнадежно рукою, но не распотѣшатъ мою казацкую душу. У одного то не такъ, у другаго это не эдакъ: и дробь не добиваютъ и фишпфанты не докидываютъ, а присядка-то просто по медвѣжьему идетъ.» Видя это, Герасимъ Васильевъ припомнилъ, что одинъ изъ сынковъ Петра Михайловича, Василька, славно плясывалъ у себя дома для потѣшки гостей, чему какъ-то Герасимъ Васильевъ былъ лично зрителемъ при кладкѣ печей въ Ожгибовкѣ. При воспоминаніи объ этомъ у Герасима Васильева мелькнула мысль о томъ, что не задобритъ ли Василька своею пляскою злую казацкую душу полковника, а потому и сообщилъ сему послѣднему, что если ему хочется распотѣшиться, то чтобъ послалъ за барчонкомъ опальнаго дворянина Василькою и заставилъ бы его проплясать. «Вотъ такъ уважитъ!» примолвилъ Герасимъ Васильевъ.

Задѣтый за живое, казакъ-полковникъ немедленно распорядился привести въ кругъ одного изъ барченковъ, Василька.

По приводѣ Василька въ кругъ, Герасимъ Васильевъ сообщилъ, что вотъ-де отъ тебя, Вася, будетъ зависѣть помилованіе твоего отца

матери и братьевъ, если только съумѣешъ распотѣшить своею пляскою полковника, проплясавъ предъ нимъ такъ, какъ плясывалъ дома. Видя же, что барченокъ сильно оробѣлъ, пугаясь пьяныхъ и звѣрскихъ рожъ, уставившихъ на него свои посоловѣлые глаза, Герасимъ Васильевъ зачерпнулъ ковшикомъ ставленаго меду и поднесъ его Васѣ, приговаривая: «натъ-ко выпѣй, — такъ дѣло-то у тебя пойдетъ ладнѣй. Да пей же, пей до дна, сердцу будетъ веселѣй, да и ногамъ-то походчѣй.» И самъ не зная какъ и для чего, но Вася выпилъ поднесенный ему медъ, — и конечно сталъ посмѣлѣй и посмѣлѣй, и подъ конецъ, поопьянѣвъ забылъ весь ужасъ своего положенія, а слыша одну лишь плясовую, гремѣвшую вокругъ него, и вынуждаемый какъ ею, такъ и разбираемый веселостью отъ выпитаго меда, разошелся въ кругу, притопывая и приплясывая; за тѣмъ началъ выкидывать такіе ловкіе выкрутасы, такъ мастерски отработалъ дробь и, отвалявъ лихо въ присядку съ вывертами, то лѣвой, то правой ногой, очутился какъ разъ предъ самимъ казакомъ-полковникомъ и, гикнувъ ему молодецкимъ покрикомъ, заплясалъ

попятную, отходя задомъ на ципочкахъ и дробя носками и пятками пересыпнаго трепака мелко-на-мелко и часто-на-часто.

Казакъ-полковникъ, и безъ того бывшій внѣ себя отъ Васиной пляски, не выдержалъ при такомъ залихватскомъ трепакѣ и, ринувшись въ кругъ съ крикомъ: «ой жги, говори, растабарывай,» началъ откалывать и руками и ногами разные выкрутасы. Глядя на него, и Герасимъ Васильевъ также вскочилъ съ мѣста и, притопывая ногами, помахивалъ своимъ бумажнымъ клѣтчатымъ платкомъ, приговаривая своему товарищу: «ходи браво, гляди прямо, — говори, что вольны мы.» Утоливъ восторженность свою и утомившись порядкомъ, казакъ-полковникъ не зналъ какъ и отблагодарить барченка за доставленное имъ удовольствіе. Воспользовавшись этимъ, Герасимъ Васильевъ предложилъ ему — ради такого веселья помиловать отца этого разъудалаго дворянчика. Разгулявшійся казакъ, выслушавъ это, махнулъ рукою и сказалъ: «ну, была не была, миловать такъ миловать.» Герасимъ Васильевъ далъ тотчасъ же приказъ привести Петра Михайловича съ семьею въ кругъ, гдѣ казакъ-

полковникъ сказалъ имъ такую рѣчь: «ну, дворянинъ, за то что твой сынъ съумѣлъ разпотѣшить мою казацкую душу, и за то, что товарищъ мой говоритъ о тебѣ, что ты баринъ добрый, а не живодеръ и не собака для своихъ крестьянъ, то батюшка нашъ Царь-Государь тебѣ, черезъ насъ полковниковъ своихъ, животъ даруетъ съ женою и ребятами.»

Послѣ этой рѣчи Герасимъ Васильевъ посовѣтывалъ Петру Михайловичу въ Курмышѣ не мѣшкать, а немедля выправить себѣ изъ ихъ походной канцеляріи охранный листъ, во избѣжаніе наспльства отъ другой могущей повстрѣчаться шайки, и убираться домой. «Вѣдь этотъ молодецъ, подсказалъ подъ шумокъ Герасимъ Васпльевъ, кивнувъ на казака-полковника, милуетъ лишь подъ одну пьяную руку; а то, сударикъ мой, неровенъ часъ—проспится, такъ пожалуй не миновать тебѣ вновь съ женою и дѣточками пеньковаго ожерельица.»

Получивъ такъ нежданно-негаданно и жизнь и свободу, Петръ Михайловичъ конечно не долго раздумывалъ, что тутъ предпринять, а тотчасъ отправился со всею семьею къ дав-

пишнему знакомцу своему курмышскому протопопу въ домъ. Разсказавъ, по приходѣ своемъ, хозяину и хозяйкѣ свои приключенія и уложивъ ослабѣвшаго отъ меду и пляски спасителя своего Васиньку въ постель, Петръ Михайловичъ немедленно отправился было въ полковничью канцелярію за охраннымъ листомъ. Но выйдя на улицу, онъ увидалъ, что дѣла приняли совершенно другой оборотъ, и что охранный листъ, отъ бунтовщиковъ данный, еслибъ былъ у него, то могъ бы послужить не къ спасенью, а къ новой бѣдѣ потому, что въ то время какъ пировали полковники, на Курмышъ налетѣлъ отрядъ войскъ Императрицы, подъ командою капитана Дурнова, который уже носился по Курмышу, коля и рубя пьяныя толпища бунтовщиковъ.

Остановясь у воротъ протопопова дома, Петръ Михайловичъ видѣлъ, какъ пронесся во весь духъ копской прыти казакъ-полковникъ, спасаясь отъ преслѣдованія. За тѣмъ Петръ Михайловичъ видѣлъ, какъ и благодѣтель его Герасимъ Васильевъ также пронесся мимо его на пѣгой лошади, и какъ вслѣдъ за нимъ пронеслось нѣсколько человѣкъ изъ вой-

ска Императрицы, какъ они нагнали Герасима Васильева близь р. Суры, и тутъ же убили его.

Помянувъ объ успокоеніи души убіеннаго раба Божія Герасима, Петръ Михайловичъ воротился къ протопопу, и видя, что съ уничтоженіемъ бунтовщиковъ въ Курмышѣ ему опасаться теперь уже некого и нечего, и чувствуя за тѣмъ, что отъ тревогъ, страха и страданій имъ перенесенныхъ, онъ едва держится на ногахъ, попросилъ матушку-протопопицу указать ему мѣстечко, гдѣ бы соснуть. Добрая старушка тотчасъ провела его на вышку, гдѣ уже спали въ повалку крѣпкимъ сномъ жена его и дѣтки. Взглянувъ на спящихъ и припомнивъ свое чудесное избавленіе отъ позорной смерти, Петръ Михайловичъ умилился сердцемъ и, павъ на колѣни, помолился Господу и поблагодарилъ Его отъ всей души за ниспосланное ему спасеніе.

Въ городѣ же въ это самое время шла ожесточенная и спѣшная расправа. Коля и рубя бѣжавшихъ бунтовщиковъ, войска Императрицы вмѣстѣ съ этимъ перехватали и господскихъ крестьянъ, привезшихъ въ городъ своихъ помѣщиковъ на раздѣлку къ Пугачеву. Въ

числѣ сихъ послѣднихъ попались и ожгибовскіе крестьяне, примчавшіе въ Курмышъ Петра Михайловича. Ихъ тотчасъ же допросили и затѣмъ тутъ же отодрали плетьми и прежестоко. Главному же коноводу и поджогѣ всѣхъ ихъ, крестьянину Бормотову, сверхъ дерки плетьми, отрѣзали, въ особенное наказаніе и на страхъ прочимъ, ухо. И корноухій Бормотовъ долго послѣ этого жилъ въ Ожгибовкѣ, — но терпѣть не могъ разговоровъ о Пугачевщинѣ, и не подстригалъ себѣ скобку высоко, но носилъ ее на столько длинною, чтобъ незамѣтно было у него подъ волосами памятника, оставленнаго ему навѣчно за участье въ этой Пугачевщинѣ.

Въ заключеніе всего скажемъ тѣмъ, кого затронулъ разсказъ нашъ о Васинькѣ, Петрѣ Михайловичѣ и Герасимѣ Васильевѣ, что память объ семъ послѣднемъ покуда еще жива въ родѣ Бобоѣдовыхъ, не смотря на то, что скоро цѣлое столѣтіе ляжетъ между текущимъ временемъ и минувшимъ событіемъ. Конечно ни Петра Михайловича, ни спасителя его Васиньки вы уже не встрѣтите въ числѣ владѣльцевъ Ожгибовки,—и тотъ и другой померли, по-

слѣдній въ 1824 году. Но Ожгибовка всецѣло принадлежитъ и теперь Бобоѣдовымъ, и въ числѣ живыхъ, но уже не помѣщиковъ, а землевладѣльцевъ Ожгибовки, вы встрѣтите старшую дочь и младшаго сына Васиньки, или уже Василія Петровича, а также правнуковъ и правнучекъ Петра Михайловича, то есть дѣтей упомянутаго младшаго сына отъ Василія Петровича, Гавріила Васильевича Бобоѣдова.

Сама же Ожгибовка и нравственно и матеріально состоитъ такою же, какою была и при Пугачевѣ, такъ какъ уровень образованія и благосостоянія крестьянъ ни мало не поднялся въ теченіе цѣлаго столѣтія, и еслибъ Петру Михайловичу можно было взглянуть на свою Ожгибовку въ 1870 году, то онъ нашелъ бы ее въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ она представилась ему съ Майданской вершины, при возвращеніи отъ пугачевской расправы въ 1774 году. Разница есть только въ томъ, что Ожгибовка уже не деревня, а село,и красуется теперь своею каменною церковью, построенною Василіемъ Петровичемъ, а въ настоящее время распространенною старшею дочерью его Пелагеею Васильевною Бобоѣдовою; подлѣ

алтаря этой церкви, по правую сторону, пріютился на вѣчный покой самъ храмоздатель, а по лѣвую сторону опочилъ и старшій сынъ его Владиміръ Васильевичъ, бывшій Нижегородскій губернскій предводитель дворянства, умершій скоропостижно, при возвращеніи изъ Москвы, на первыхъ же шагахъ по палубѣ парохода въ Нижнемъ-Новгородѣ, что было 19 Августа 1866 г.

Замѣчательно то, что въ церкви этой, при возношеніи молитвъ объ успокоеніи умершихъ предковъ рода Бобоѣдовыхъ, *здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ*, церковь молится и о успокоеніи души раба Божія *Герасима убіеннаго*, того самаго Герасима, который, ставъ изъ печника-крестьянина полковникомъ въ шайкахъ Пугачева, былъ избранъ Провидѣніемъ для спасенія рода Бобоѣдовыхъ отъ совершеннаго уничтоженія. И слыша возношеніе это, мы невольно задумались о томъ, что пройдутъ еще годы и устный разсказъ о сдѣланномъ Герасимомъ Васильевичемъ благодѣяніи для рода Бобоѣдовыхъ затихнетъ и замретъ въ пространствѣ времени, и тщетно будетъ дальнѣйшій потомокъ этого рода отыскивать

причину, по коей записано въ поминаньи умершихъ Бобоѣдовыхъ, посреди именъ боляръ, простое имя *Герасима убіеннаго.*

Аскалонъ Труворовъ.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 30-го Апрѣля 1870 г.